

ЖИТИЕ СВ. ЭЛЬЗЕАРА ДЕ САБРАНА, Т.О.С.Ф.

Аноним XIV в.

*Пер. с лат. Vita auctore anonymo, ex Bodecensis cœnobii, Ordinis Regularium S. Augustini, Passionali pergameno Ms. insigni mensis Septembris, collato cum Ms. Bernardi Rottendorffii.
// Acta Sanctorum, Septembrii T. VII, p. 580-591*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. ЗНАТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЯТОГО; БЛАГОЧЕСТИВОЕ ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ; БРАК С БЛ. ДЕЛЬФИНОЙ И ДЕВСТВО, ХРАНИМОЕ В НЁМ; НЕОБЫЧАЙНЫЙ ЭКСТАЗ

[1] В времена эти последние, когда тьма пороков была над бездною (ср. Быт. 1:2), что всячески омрачала жизнь смертных, послан был от Бога (ср. Ин. 1:6) человек достоивной добродетели и благодати, Эльзеар, граф Ариано, из Прованса родом, славный и знатный происхождением, но куда славнее и знатнее святостью. И житие его не должно покрыть молчанием.

Ведь милость и сила божественная так благостно и обильно упреждала его, что, казалось, он обрёл божественную благодать, будучи ещё в утробе матери. Его отец Эрманго де Сабран, муж именитый и могущественный, который, будучи известен длиною вереницей знатных [предков] и многими землевладениями, всеми был уважаем и чтим. Матерью его была Лодюна Д'Альб, которой за весёлый нрав и любезность в обращении Эльзеар и Алиса, родители её благородного мужа, дали подходящее прозвание – Добрая графиня.

Когда ж эта Лодюна, мать святого мужа, знатная, правоверная (*catholica*) и набожная, забеременела помянутым Эльзеаром, почувствовала сердечную перемену и силу сверх обычной, которая воспламенила её душу к святым устремлениям и делам благочестия.

[2] Ибо, когда по человеческой слабости она ради отдохновения порой выезжала за пределы замка Ансуи, пока другие члены семейства предавались мирским разговорам и развлечениям, то брала с собой в собеседницы некую знатную даму Гарсенду Д'Альфонт, которая была весьма духовна и чрезвычайно набожна, а также сведуща в божественных откровениях; и, таким образом, во избежание праздных и пустых разговоров она искала богопросвещённых речей вышеупомянутой госпожи Гарсенды.

И, открыв ей своё сердце, она поведала, что мир и всё мирское для неё совершенно нежеланно, настолько, что, если бы законным образом была отпущена мужем, предпочла бы совсем оставить мир и посвятить себя служению Божию, и что дух изнутри чрезвычайно часто, едва ли не постоянно её к сему побуждает. Вышеназванная госпожа Гарсенда немало удивилась тому и премного обрадовалась, ибо усмотрела в этом необычайную перемену к лучшему в ней, отчего и сказала [графине], что та обрела особое помазание Святого Духа.

[3] Также духовник её, брат Жан де Жюльен из Ордена Братьев меньших, инок великой, как ни погляди, чистоты, муж совершенной жизни и нравов, да и божественной мудростью просвещённый, поведал однажды, что сверх обычного обнаружил в ней небывалое воодушевление во святом и твёрдом расположении к любви Божией и презрению мира, а также ко всяческим делам добродетельным. И поэтому с величайшим восхищением, как бы пророчествуя, он сказал: «Если сия женщина проживёт долго, то Всевышний совершит через неё великие дела либо что-то великое будет от плода чрева её».

Когда ж пришло время рожать, блаженная мать родила ещё более блаженного сына первенца (ср. Мф. 1:25), которого в тот же час с горячим благоговением и благодарением вознесла к Богу, сказав: «Господи Боже, по чьему повелению все

творения появляются, благодарю Тебя за этого сына, по милости Твоей мне дарованного, и смиренно молю Тебя: прими его в слуги Свои и излей на него благодать Твоего благословения. Если же Ты предвидишь, что он будет воле Твоей противиться, то пока он ещё будет в белых одеждах святого крещения, заведи его незамедлительно из мира сего, ибо лучше, чтобы он, невинный и без личных провинностей, жил с Тобою и умер для мира, нежели в сей брэнной жизни оскорблял Твоё величество».

[4] И дабы показать, что принята сия жертва в благоухание приятное (ср. Исх. 29:41), Бог с самой колыбели излил в сердце младенца такую благодать умиления, что ещё до исполнения трёх лет он испытывал дивную сердечную жалость к нищим Христовым.

Ибо, когда няньки носили его на руках, он часто, узрев сострадательным оком этих нищих Христовых при вратах замка Ансуи, никак не желал пропустить их, не подав сперва им милостыни, притом даже горько и безутешно плакал. А потому кормилицы его либо возвращались за хлебом, либо носили его с собой, и тогда, подав милостыню, младенец весело и радостно пропускал их.

Когда ж исполнилось ему пять лет, он раздавал нищим Христовым всё, что приобретал в младенческих забавах и что иначе удавалось ему раздобыть, и добивался, чтобы малышей и детей, с которыми затевал подчас игры, особенно нищих, приглашали к нему на обед.

[5] И был этот ребёнок и отрок столь милостив и сострадателен к нищим Христовым, так смирен, мил и добр со всеми; мягок, тих и почтителен, и послушен учителю своему; сдержан и немногословен в речах; в поступках, как взрослый, уравновешен; лицом весел и приятен; честен предельно; телом прекрасен и нравом; вежлив и кроток; и, насколько позволял его возраст, предусмотрителен и рассудителен; и небесные дары упреждали его, дабы явственно обнаружились в нём точные и истинные признаки того, каков он есть и сколь велика будет святость его. При этом же он воспитывался под опекой и руководством своего дяди Гийома де Сабрана, аббата Марсельского (исполнявшего в средневековье епископские функции. – прим. Пер.), и, возрастая в летах, он преуспевал в божественной премудрости и любви пред Богом и человеками (ср. Лк. 2:52).

Ведь в том юном возрасте он так воспылал ревностью веры, что – как он сказал одному благоговейному и достойному монаху из дома названного аббата – горячо желал пойти в края неверных и там в исповедании Христа кончить дни свои мученической смертью. Удивившись таковым [словам], вышеупомянутый монах в глубине сердца своего воспылал с того мига небывалым благоговением.

[6] Случилось же так по Божественному провидению, которое всё премудро и прекрасно устраивает, что этот отрок ангельской чистоты и голубиной простоты, когда ему было десять лет, по повелению светлейшего государя Карла II, короля Иерусалимского и Сицилийского (Карл II Хромой Анжуйский (1248 – 1309) – король Неаполя. – прим. пер.), и в присутствии оногo с великими торжествами соединился в городе Марселе браком со знатной девицей Дальфиной двенадцати лет, нравом ему под стать: необыкновенно богатой любовью Христовой и чрезвычайно горящей любовью божественной.

А через три года в замке Пюимишель на праздник св. девы Агаты их брак был принародно и торжественно, как это принято, заключён пред лицом Церкви. После каких-то торжеств на четвертый день девицу Дальфину торжественно проводили к жениху в Ансуи, чтобы она жила с ним (ср. Вульг. Исх. 2:21).

А с наступлением ночной тишины, подойдя к брачному ложу, открыла вышеназванная дева тайну сердца своего девственному своему жениху. Коему, среди прочего, сказала: «Я замуж была отдана родителями и вступила в брак против воли, ибо по вдохновению Господню имела и имею намерение сохранить сокровище девства».

[7] И хотя юноша, незнакомый доселе с божественным советом (ср. Мф. 19:10-12 – один из «советов Христовых», наряду с добровольной нищетой. – прим. пер.), в сердце своем ещё не намеревался хранить таковое девство, тем не менее, будучи во всём сдержан и добр, выслушал её благосклонно и, объятый божественным страхом, всю ту ночь не прикоснулся к ней и не сказал ей ни слова нескромного. Она ж провела всю ту ночь без сна, в слезах и воздыханиях и коленопреклонно вверила Господу девство своё под защиту.

Ну а следующей ночью, едва оказавшись на брачном ложе, благоразумная девушка убедила его целомудренными, достойными и благочестивыми речами, что яснее изложено в «Житии святой девы Дальфины». Итак оба остались девственными.

Поскольку же блаженный отрок продолжал проводить время у вышеупомянутого аббата, плотская свита плотски и порочно склоняла его к незаконным действиям плоти. Но он, мужественно и твёрдо запечатлев в сердце [решение] скорее навлечь на себя телесную смерть, чем смертельно оскорбить Бога, скрывая своею и супруги девственность, отвечал так: «У меня есть супруга милая мне и, как для всех вас очевидно, прекрасная, а потому довольно сего для меня».

[8] И в том же году он постился всю Четыредесятницу целиком, а под одеждой на голом теле крепко затягивал некое вервие, сплошь покрытое заскорузлыми узелками, а оно, рани нежную плоть, вызывало кровотечение и раны, от чего он совсем побледнел и осунулся.

Достигнув же пятнадцатилетнего возраста, сей молодой святой однажды был в некоем селении Со на празднике Успения Пресвятой Богородицы вместе с упомянутым владыкой аббатом, потому что [новый священник] служил там первую мессу, а некий дворянин получал рыцарское посвящение. В ночь накануне одного священного торжества этот святой был на послеполуночной службе в церкви, а утром того праздника, предварительно исповедавшись, он благоговейно принял таинство Евхаристии и теперь, денно и нощно, возымев горё сердце, словно бы восходил на небеса вместе с Матерью благодати и готовил свою душу к божественному посещению, словно бы грядущему скоро.

С наступлением же обеденного часа рассудительный и воздержанный юноша, обязанный стоять при дяде и прислуживать ему, будучи украшен превосходными манерами, не желал поначалу вкушать ничего, хотя его приглашали.

[9] Ну а после обеда, когда его усадили за стол, едва он чего-то вкусил или отведал пищи, внезапно сошел на него Дух благодати, который горячо воспламенил его

сердце великой сладостью и умилением божественной любви. И сила одного внутреннего пыла и пламени была такова, что скрыть оказалось невозможно, ибо он совершенно изменился на вид (ср. Лк. 9:29), и всё тело его охватил жар, и румянец залил лицо.

Сие заметив, его товарищи, обеспокоившись за него, решили, что у него горячка, и, вытащив его из-за стола, отвели в комнату, чтобы он опочил. Когда же все разошлись, он, простершись на полу, предался молитве, как внушал ему дух внутри. Там он ощутил такое пламя божественной любви, что вся его душа расплавилась и целиком преобразилась в Бога. И тогда Бог явил ему краткость сей преходящей жизни и то, что этот мир, особенно в сравнении с божественными благами, заслуживает презрения, и тут проникся он таким презрением ко всем земным вещам и благам, что если бы ему были дарованы все почести мира сего, или замки, и любые другие ценности, он не принял бы ничего из этого, но презрел бы их как грязь, потому что в тот миг сильнее всего жаждал одного лишь Бога.

[10] Также он совершенно ясно увидел, с какой милостью и добротой Бог спасал его до того дня, чтобы он не впал он во грехи многие, и сколь необычайно Бог уберёг его в девстве. И потому он тогда в том же самом месте твёрдо решил в сердце своём, что никогда не будет беспокоиться ни о наследнике, ни о наследстве, но навсегда сохранит своё девство, к чему многократно побуждала невеста его, и крепко задумался, как бы угождать одному только Богу.

И в таковом размышлении и в горении таковой любви он от глубины сердца взмолился Богу, дабы соблаговолил Он отворить ему дверь и указать путь, как по воле Его ему жить в мире сем. Ибо чрезвычайно хотелось ему тогда оставить всё земное и бежать в какие-нибудь места пустынные, где, никому не ведомый, он мог бы посвятить бы себя всецело служению Богу, живя лишь надеждой и упованием на божественную защиту. И после этого молебствия почувствовал он вдохновение в уме своём, как если бы кто-то говорил ему в сердце, чтобы не оставлял он своего [сословного] положения, и не уходил [из мира], и не оставлял земных благ, какими владел, и внешне не творил с самим собою никаких перемен.

[11] И когда он таковому вдохновению и умственной речи ответил, что по немощи своей не сможет жить в пылу божественной любви и что не выдержит, тогда вдохновение заговорило с ним, сказав: «Знаю, столько ты можешь. Что не сможешь сделать ты, то Я сотворю и дополню», – и крепко советовало ему вдохновение оное пребывать в девстве.

А после этого дивного восхищения и божественного посещения он так по милости Божией освятился душою, что с тех пор не усматривал в себе никакого стремления ни к земным благам, ни к мирским почестям, ни помышлял уже о наследстве, но желание его ко всему сему было мертво и погребено, и не страшился он с тех пор встречи со смертью; более того, где бы и когда бы Бог ни пожелал послать её, он был готов её принять. А ещё он был весьма стоек в соблюдении девства душевного и телесного без принесения какого-либо обета; более того, что более достойно восхищения и почитания, нежели подражания, всегда, когда он жил вместе со своей невестой и находился ближе к ней, он чувствовал больше спокойствия за свою девственность и чистоту.

[12] И, таким образом, живя вместе, они не имели ни отдельных помещений, ни опочивален, ни кроватей, ибо, как казалось ему, он и не чувствовал, что дева Дальфина является его женою в том, что касается какого-либо плотского действия. И то же самое дева Дальфина говорила о себе, и потому называла его Опекуном благих [устремлений], которые Бог вложил в неё, и Отцом души её, и Хранителем её девства.

Велики дела сии, а прочие – неслыханны.

Ибо вдобавок после упомянутого восхищения [духа], благодать Божия настолько помогала ему против плотского искушения, что он как бы омертвел для оно́го, и никто никогда не замечал в нём никаких признаков какого-либо плотского искушения. И к тому же, когда к нему во сне подступало такого рода наваждение, он, спящий, мужественно противился ему, и так рыцарственный его дух, всегда бодрствуя вокруг сердца его во всеоружии, сокровище девства охранял и яростно защищал, что наряду с предыдущим видением он с течением времени открыл как-то раз кому-то из своих тайных духовников.

ГЛАВА II. ИНЫЕ ЭКСТАЗЫ СВЯТОГО; ЕГО ДЕВСТВО ОТКРЫТО БОГОМ ДРУГИМ ЛЮДЯМ

[13] После упомянутого экстаза святой и блаженный юноша завёл привычку по вечерам прежде чем лечь спать, подолгу молиться, и при этом он стоял в возвышенных размышлениях и созерцаниях большую часть ночи, а порой и до утра. Однако это правило он более исправно соблюдал, когда бывал со своею девственной невестой, которой, в отличии от других людей, не остерегался. Иногда он, вздремнув, поднимался посреди ночи.

Позднее, когда ему было лет семнадцать, он остановился как-то у детей короля Карла (у которого была десятеро сыновей и пять дочерей от единственной жены – Марии Венгерской. – согл. прим. лат. изд.), и одной ночью после дня субботнего, пребывая в городе Эксе и во дворце упомянутого короля, он среди ночи, пока остальные спали, встал с постели один и, войдя в зал, где не было спящих, стал у окна и, преклонив колени, молился. Внезапно на него нашло такое божественное воспламенение, что он весь залился слезами. И нашло на него такое чувство своих недостатков и пороков, будто он в них целиком погружён, точно в бездну, и показалось ему, что всей его жизни недостаточно, чтобы постичь то великое милосердие и неизреченную благодать божественную, каковой Бог его прежде сохранял, и хранил ныне, и в будущем желал защищать.

[14] А потому, сознавая сие благодеяние, он глубочайше смирился перед Богом и показалось ему, что он достоин не милости Божией, а скорее – нет, в тысячу раз более – ада; и что сам он был готов совершить все злодеяния мира, и что наверняка совершил бы, не предохрани его божественная милость и жалость. И когда, пребывая в таком размышлении, искренне молил он о божественном милосердии с сокрушенным и смиренным сердцем (ср. Пс. 50:19), услышал голос ушами ума и сердца, сказавший ему: «Не огорчайся так сильно, размышляя о своих пороках и грехах, ибо милость Моя больше, чем твои проступки. Но живи спокойно и памятуя да веруй твёрдо, что Я не поущу тебе когда-либо лишиться благодати Моей».

И тогда он проникся томлением и желанием, чтобы все осознали то, что он сам тогда осознал, чтобы любили Бога всем сердцем, а потому никогда Его не оскорбляли. А затем он тут же перенёлся духом на равнину просторную и широкую, где стояла одна церковь, а внутри большая толпа собралась слушать мессу, которую собирался совершить некий священник, одетый в священнические облачения; и певчие запели весьма сладостно и благоговейно: «Нам же подобает хвалиться Крестом [Господа нашего Иисуса Христа (ср. Гал. 6:14), в Коем спасение, жизнь и воскресение наше, чрез Кого мы спасены и избавлены]».

[15] И пока служили [вотивную] Мессу Святого Креста и весь народ преблагоговейно слушал, явлено было ему, страсти Христовы возобновлялись в сердцах у всего народа, и его сердце тоже жарчайше воспыало ко страстям Христовым, и таким он прослушал всю ту мессу. И был он там так крепко со Христом Распятым сопригвожден, что не только постоянно носил в сердце страсти Его и смерть, но с величайшим рвением жаждал умереть за Христа. И с той поры он не только терпеливо переносил обиды, и муки, и опасности, и потери, но даже и радовался любой невзгоде, а гонителей и противников своих любил неизменно, а то и паче обычного, и молился о них Богу особенно [ревностно].

И в этом дивном душевном восторжении и восхищении он бесчувственно пребыл до восхода солнца. А когда лекарь детей упомянутого короля, придя и вступив в зал, обнаружил его стоящим у окна неподвижно и бесчувственно, то приблизился и дважды окликнул его, но не получил никакого ответа. Наконец, на третий оклик он пришёл в себя и закрыл глаза, которые всё время держал открытыми, с трудом и болью, ибо ему казалось, что они набиты мелким песком. Обнаружил он также, что весь наряд его на груди совершенно промок от слёз.

[16] Как-то в другой раз, когда он был в Ансуи, однажды вечером дева Дальфина мыла голову. И молвил ей святой: «Быстрее приведи себя в порядок и заканчивай без промедления», – ибо он почувствовал, что его посетит Господь.

И, поднявшись тут же в комнату, предался молитве и оставался на одном и том же месте всю ту ночь в молитве и созерцании. Когда ж рассвело, позвал невесту, которая тотчас пришла со светильником и обнаружила, что он целиком объят пламенем. Ибо увидел она, что от его лица исходило некое сияние, света свечного ясней и прекраснее, что делало его лицо и прилегающее пространство светлым и ясным.

И в подобающее время открыл он ей, своей священной невесте, что всю ту ночь видел и сознавал оную неизреченную божественную благодать и воздаяния жизни вечной, кои Бог приготовил любящим и возлюбленным Своим (ср. 1 Кор. 2:9), так что ко всякой иной любви проникся он глубоким отвращением, ясно притом видя и сознавая при этом, что Бог всегда готов сообщить нам Свои дары и благодати, если находит людей, желающих принимать, как Он сам готов дарить.

И Господь часто посещал его такими видениями и божественными внушениями, и он всякий раз насыщался ими духовно.

[17] В другой раз в том же замке Ансуи, когда достиг он восемнадцати лет или около того, как-то вечером субботы в сумерках он обнаружил невесту свою, деву Дальфину, молившейся там же. И он подобным же образом по своему обыкновению предался

молитве и простоял всю ту ночь, молясь и размышляя, до утра воскресенья, пока не взошло солнце. И, как открыл он своему духовнику, мужу духовному и благочестивому, а именно брату Жану де Жюльену, а также по прошествии времени своей святой супруге наедине, Бог явил ему в ту ночь великие и чудные [истины]. Ибо же Он показал ему столь [великие] и такие [глубокие истины], о каковых сам он никогда не пытался спрашивать у Бога.

Ибо с чувством беспредельной радости он узрел божественные Лица. Узрел, как Отец породил Сына и постоянно познаваем Им; и как Святой Дух исходит от Отца и Сына, являясь любовью между божественными Лицами, – и это единый Бог. Однако так [он узрел сие], что не мог выразить или описать образ сего рождения и исхождения (spirationis), ведь, попытавшись по мере сил рассказать что-то об этом, он молвил: «О, как плохо и несовершенно я говорю! Я не знаю, как, и не могу описать, что я видел, и выразить речью то, что постиг на опыте.

[18] И поэтому он говорил, что излагать такие [глубокие истины] было огромным мучением, так как они были неизъяснимы, и молвил, что во всём мире он не слышал и не знал ни о чём таком, с помощью чего – уподобив как-либо, или сопоставив, или сравнив – он мог бы попытаться пояснить или раскрыть то, что Бог показал ему в том видении.

Также видел он и в том умственном видении и сознавал при этом, насколько оной бесконечной благодати, которая есть Бог, угодно иметь тварей, которым Он мог бы сообщить свою благодать, и что для того он их и сотворил, сиречь природу ангельскую и человеческую.

Также осознал он, что Бог сотворил человеческую природу с такой любовью, что ради неё создал все прочие творения, и если бы она смогла сохраниться в состоянии невинности, не заблуждаясь и к порочным делам не склоняясь, то в полноте познала бы сие и никогда не возлюбила бы ничего помимо Бога.

Также показал ему Бог грехопадение прародителей и как оно привело бы нас к вечной смерти, не приди высшая милость нам на помощь.

[19] Затем осознал он, что Бог наказывает грешников столько, сколько они заслуживают, пускай даже и осуждённых, и всем по благодати Своей даёт случай прийти ко спасению, так что только наша злоба тянет нас к смерти вечной, поскольку благодать Его принять не желаем.

[Осознал он] и как суды Божии праведны (ср. Пс. 18:10) сами по себе, а сверх того – ту неизъяснимую милость, по которой Сын Божий смирил Себя, приняв человеческую плоть для восстановления нашей природы, каковую неизреченную милость блаженный этот юноша был не в силах описать.

Сверх того он осознал, что столь велики тайны Преславной Девы и неизъяснимы дела, каковые Бог сотворил с Нею, чтобы сделать Её Матерью Себе, что она даже не может их выразить.

Также [осознал он], почему [Господь] изволил родиться в такой нищете и таком унижении и всю жизнь свою провести в нужде, дав нам Себя в пример ради

избыточествующей любви, и любовь эту осознал тоже, и то, почему, никому не вверив Свою проповедь, Он сам изволил потрудиться.

Осознал он и избыточествующую любовь, из-за каковой Он отдал нам Себя в таинстве алтаря, изволив притом уделить нам благодать Свою и Самого Себя и пребыть с нами до скончания века (ср. Мф. 28:20) в таковой близости ради нашего блага и спасения.

[20] Осознал он ту божественную любовь, из-за каковой [Господь] изволил пойти на столь суровые муки и жестокую смерть, и что всё Он творил только ради нашей нужды, и видя сие, горько плакал этот ангельский юноша, что не все христиане прочувствовали сие до самой глубины сердца, и дивился, что христиане по грехам лишаются столь [великого] и такого [прекрасного] блага, когда не сознают сию милость и милосердие.

Увидел он сверх того, как через страсти Христовы и достославную смерть святым была возвращена вечная жизнь и они избавились из ада, а для нас отверзлись двери жизни вечной.

Господь также показал ему ликование, с каковым Он вознёсся на небеса, и славу воскресения, и милость, по которой Он послал Святого Духа. При этом он ещё осознал, что по сердцам апостолов была разлита милость Божия, которой Он побуждал их говорить и проповедовать, чтобы обратить мир. И осознал он, с какой крепкой любовью тогда принимали веру, и как святые мученики радостно отправлялись на смерть за Него, сердечно желая и превыше всего стремясь к тому, чтобы наступило оное время [встречи с Христом]. И он мог бы с ними всеми умереть за веру, такую же чувствуя радость, что была у тех, кто за богопочитание претерпел гонения и мучения.

[21] И при этом он, по собственным словам, осознал заботу и защиту, кои Господь оказывал Своей святой Церкви, и безмерную милость, из которой Он установил таинства для нашего спасения, в которых он видел необъяснимое милосердие и любовь.

И, поведав вышесказанное, он добавил, что не может выразить речью того, как он сие видел, и как показал ему Бог, и как он в сердце сие осознал.

Причём после вышеописанного видения блаженный юноша настолько изменился к лучшему и стал другим человеком, что в следующее воскресенье он не мог есть за столом, и было для него великой мукой общаться с людьми. Поэтому его дед, господин Эльзеар де Сабран, с состраданием спросил его: «Что с тобою, сынок? Почему ты не ешь? Может, хворь тебя какая мучает или что-то подобное?» Он же молча обдумывал те великие [истины], которые Бог ему показал той ночью. А так как «для вкушившего духа, всякая плоть утрачивает вкус» (св. Бернард Клервосский, Письма, 3. – прим. пер.), посему всякий раз, как он был вынужден предаваться делам вместе с мирскими людьми (а для него было крайне трудно и мучительно, если подобало так заниматься внешним) и с таковыми общаться, он принимал это как веление Божие, данное ему в божественном посещении в Со, как описывалось выше. Отсюда можно заключить, что таковые страдания и муки принесли ему немало заслуг.

[22] Случилось в ту пору, что некая родственница его обручилась с сенешалем Прованса, и на торжестве по этому поводу, что длилось пять дней, присутствовал этот святой, хоть и весьма неохотно. Ведь он был так пристоеен и целомудрен в речах, что ни единая живая душа не слыхала, чтобы из уст его исходило бесстыдное слово, а поскольку при том дворе том, как уж принято, находились знатные и иные [люди], денно и нощно предававшиеся пению, пляскам и светским забавам, и говорили они много непристойных, пошлых и бесстыдных слов, причиняющих немало досады чистому и целомудренному юноше, то сердце его тяжело ранили стрелы раздражения – особенно когда он не мог, как привык, предаваться молитве и созерцанию. А поскольку он привык вкушать божественное, томился дух его внутри от стремления к вечному, но милостивый и добрый Господь такое утешение даровал ему в те пять дней, что каждую ночь, пробуждаясь, он обнаруживал, что глаза, лицо и ткань возле лица были мокры от слез, ибо то, что он не мог исполнить бодрствуя, его воспламенённое сердце и ум довершали во сне. За что Богу воздав благодарение, он пребывал утешен духом.

[23] Нельзя умолчать о том, как благородная госпожа Гарсенда Д'Альфонт родом из замка Ансуи, которая при жизни своего мужа, благородного рыцаря, принесла вместе с ним обет целомудрия и за святость жизни своей была так просвещена божественным светом, что часто узнавала отдалённые и будущие события в настоящем и часто удостаивалась божественных откровений и утешений, увидела, что святой юноша Эльзеар сподобился двух чудных видений.

Ибо, поскольку она участвовала в воспитании этого святого юноши, то часто и горячо молилась о нём Богу. И когда она однажды ночью в церкви возносила сего рода молитвы, то услышала телесными ушами, как Христос говорит ей: «Юноше, о котором ты столько молишься Мне, я назначил наставницей Мать Мою, а посему нисколько о нём не волнуйся». Чрезвычайно изумившись таковому ответу, она пришла, всё же, в себя и вновь стала молить Бога, чтобы [сие явление] удалилось, если оно [бесовская] прелесть, но если оно истинно, то чтоб сердце её в том полнее удостоверилось.

И когда на следующий день она благоговейно слушала мессу, после освящения таинственного Тела, она телесными ушами от этой Жертвы услышала обращенный к ней голос, сказавший: «То, что Я говорил тебе прошлой ночью о юном Эльзеаре, истинно и подлинно, и тебе не позволено сомневаться в сем».

[24] Когда же она рассказала об этом духовнику своему, весьма духовному – брату, сиречь Жану де Жюльену – вышеупомянутый духовник спросил святого юношу, сказав ему наедине: «Скажи мне, какого образа и способа молитвы ты придержишься и какого святого избрал своим заступником паче прочих?» Коему святой в ответ молвил: «Я избрал заступницей Преславную Деву, и когда я хочу подготовиться к молитве, я сначала взираю на своё недостойнство и низость, а потому обращаюсь к Матери благодати и смиренно молю Её вложить то, что угодно Ей и Её благословенному Сыну, в сердце мое и уста, и со всем благоговением, на какое способен, возношу Ей однократно «Радуйся, Мария», после произнесения коей никогда не возникает недостатка в прочем богомыслии».

Услышав это, оный духовник вполне убедился, что сказанное госпожой Гарсендой было истинно. По этому случаю он распорядился, чтобы этот святой юноша обычно

удостаивался посещения Господа (т.е. причастия. – прим. пер.) в субботу и на следующую ночь, а в праздник Успения посещался Господом в первую очередь.

[25] Как-то в другой раз та же госпожа Гарсенда, молилась всю ночь в капелле бл. Екатерины замка Ансуи и о середине ночи увидела какую-то руку, державшую некий камень драгоценный, от которого исходило такое сверкание, что лучи, залив всю ту капеллу, целиком осветили её. И дивясь сверканию и красоте камня, она размышляла про себя, что бы это значило – и тут же услышала телесными ушами голос, сказавший: «Камень сверкающий есть девство Ельзеара, о котором ты молишься, – так оно воссияет в мире. Но взгляни ещё и увидишь, как ясно светится оно перед Богом».

И как перевернулся камень, изошло сияние большее первого, и такое яркое, что её глаза не могли вынести оно, но когда она закрыла глаза, видение постепенно исчезло. Она же осталась им чрезвычайно утешена.

Госпожа Маблина де Симан, высокородная и располагавшая великим множеством замков, доходов и вассалов, но [оттого] не менее преданная и милая Богу, лишившись в шестнадцать лет мужа, с которым прожила всего три месяца, не пожелала затем вступать во второй брак, хотя и подталкивали её к тому родители и родственники, и многократно её из-за сего удручали, но она целомудренно, пристойно и свято прожила во вдовстве до старческого возраста.

[26] А после многих трудов и дел благочестия она достигла такого спокойствия ума, что часто, предавшись богомыслию, не сознавала ничего, что творилось вокруг. Сообщу один случай из многих: ибо однажды от Святого четверга до наступления Святой субботы, поскольку свершалось литургическое служение, она стояла на одном и том же месте, оставаясь бесчувственной.

Так вот, о св. Эльзеаре, который был тогда юн, она удостоилось такого видения (причём она совершенно не знала о его святом безбрачии): ибо увидела она в духе, что святой юноша Эльзеар, облачённый в великолепное одеяние, несёт в руках через некую обширную и великую равнину белоснежное и светозарное знамя, коего красота и сияние освещают весь воздух и всю равнину. За ним следовало бесчисленное множество людей обоего пола, разного возраста, состояния и положения, каковое зрелище её премного возвеселило. И стала она сердечно молить Бога показать ей, что значило это видение. И тут же был ответ от Господа: «Сие есть, – молвил Он, – девство и святость Эльзеара, кого должен весь мир почитать, а многим подобает ему подражать».

[27] Брат Филипп Рьезский, из ордена Братьев меньших, дворянин и родственник девы Дальфины, обладал такой святостью жития и простотой голубиной, что, казалось, дошёл уже до состояния изначальной невинности, причём ему ради его великой чистоты ему часто являлась Пресвятая Дева Мария. Когда он однажды усердно предавался молитве и созерцанию, то увидел в духе св. Эльзеара и его супруга Дальфину, спящих вместе в одной постели, красивой и большой, а между ними он увидел Иисуса, стоящего у изголовья и с ликом ясным и благостным переводящего взгляд с одного на другого. Отсюда он узнал, что Христа Иисуса премного радовало их безбрачие.

[28] Бертранда Кармат из города Карпантра была женщиной святой жизни, весьма опытная в богомыслии. И Бог помимо прочего уделил ей однажды сию благодать. Ибо когда в некое торжество она благоговейно подготовилась к принятию Тела Господня, а священник, по нерадивости или забывчивости прошёл мимо, не дав ей гостии, явилась сила Божия и милость, Которая изволила утешить её достойным и необычным образом. Ибо когда она преблагоговейно слушала мессу, вкушая при этом Тело Христово духовно, ангел Господень, взяв с алтаря частицу освящённой и уже разделённой гостии, поднёс ей вкусить.

Когда же священник принял Тело Христово и не нашел той частицы гостии, осмотревшись и поискав там и тут и под корпоралом, тревожился и чрезвычайно печалился, пока названная госпожа не поведала о благодати, которую Господь уделил ей.

Так вот, сия женщина увидела однажды в духе видение, во всех отношениях подобное тому, какое [явилось] прежде названному брату Филиппу, с той разницей, что Христос между ними у изголовья сидел.

ГЛАВА III. МИЛОСТИВОЕ УПРАВЛЕНИЕ СВЯТОГО СВОЕЙ СВИТОЙ; РАЗЛИЧНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ; МИЛОСЕРДИЕ К НИЩИМ И ПРОКАЖЁННЫМ, ОЗНАМЕНОВАННОЕ ЧУДЕСАМИ; ИСЦЕЛЕНИЕ ИМ БОЛЬНЫХ.

[29] Этот святой юноша, возрастая в летах, равно обогащался и возвышался благодатью, заслугами и совершенством, и постоянно возрастало его святое устремление у лучшим деяниям.

Посему, когда ему было двадцать лет и в замке Ансуи его сердце не находило покоя из-за чрезмерной заботы, которую его дед и вся свита его прилагали к воспитанию его в мирских занятиях и утехах, после многих настоятельных просьб он добился, чтобы ему позволили отправиться в замок Пюимишель, который принадлежал деве Дальфине по наследству и распоряжению отцовскому.

В этом замке они пробыли три года и, переменяв место, переменяли к лучшему нравы. Ибо, оказавшись в упомянутом замке, новый хозяин стал по-новому руководить свитой в своём доме, и, [сам будучи] приводем новых нравов, устанавливал новые нравы и налагал наказания на нарушителей. Прежде ж всего он определил молитвенное правило, чтобы все люди, мужчины и женщины, находящиеся у него на службе, каждый день всенепременно слушали по крайней мере одну мессу.

[30] Во-вторых, [постановил] чтобы все держались пути целомудренного и чистого, а поступавших противу того изгонял из своего дома и со двора. Ибо когда однажды один из состоявших при нём совершил блудный грех, тотчас же, как ему стало известно об этом, он изгнал его из дома своего. Так же он поступил в другой раз с двумя другими одновременно. Ибо он не желал, чтобы кто-либо, кто, как он знал, жил в смертном грехе, ел его хлеб, чтобы не заразил других и чтобы не показалось, что он вскармливает грех.

В-третьих, – чтобы дворяне и рыцари, девицы и замужние исповедовались каждую неделю и каждый месяц благоговейно готовились к принятию Таинства Евхаристии.

В-четвертых, – чтобы вышеупомянутые девицы и замужние занимались с утра до обеда молитвой или благочестивыми и богоугодными делами, а после обеда прилежали ручному труду.

В-пятых, – чтобы никто не смел ни Бога похулить, ни Преслвную Деву, ни кого-либо из святых, ни же лживо клясться, ни злобно и легкомысленно без причины [ругаться], ни слова произносить бесстыдные и непристойные, ибо «смерть и жизнь – во власти языка» (Прит. 18:21), как молвит Премудрый, и «худые сообщества развращают добрые нравы» (1 Кор. 15:33), как молвит Апостол.

[31] Нарушители же сего устава подвергались таким наказаниям: весь обед они сидели на полу на виду у остальных, вкушая только хлеб и воду, либо же находились целый день взаперти в одной комнате, но вкушали обычную пищу.

В-шестых, – чтобы никто не играл в кости или в иные недозволенные или непристойные игры, а поступавших иначе сурово наказывал.

В-седьмых, – чтобы вся свита его жила в мире, дружбе и согласии, и чтобы один другого не оскорблял ни словом, ни делом, а если кто поступал иначе, то чтобы тотчас же искупал обиду. И в сем святой этот был изрядно бдителен; провинившегося же наказывал – по степени преступления.

В-восьмых, – чтобы каждый день после обеда или в любой другой час попозже, если только не помешает тому уважительная причина, они сообща – и он с ними – участвовали в душеспасительной беседе о словах Господних, и чтобы на этой беседе, когда один говорит, все остальные в сердце своём за него молились, да подаст ему Бог слова, от которых все получили бы пользу. И чтобы никто не смел перебивать речь говорящего или мешать другим. А поступавший иначе лишался сей благочестивой и доброй беседы, и лишь после того, как исправится и переменится, его туда звали другие.

[32] Сам же он, паче других в тех разговорах и в беседах своих, сердцем и ликом радостный и весёлый и немало божественной благодатью украшенный, обретал такие огненные слова, исходившие от источника божественной мудрости, что слышавшие чувствовали от слов его великую в своём сердце перемену, и воспламенялись благими и святыми устремлениями, и проникались смирением и богобоязненностью. Ибо он учил свою свиту, как второй Товит, бояться Бога, и удаляться от грехов, и соблюдать божественные заповеди (ср. Тов. 4:21).

Увещевал он их также к божественной любви, чтобы они любили друг друга и хранили сосуды свои чистыми и незапятнанными.

О молитве же он говорил: «От рассмотрения своих недостатков должно христианину брать начало молитвы, и при этом прежде всего смиряться, потому что молитва смиряющегося проникает сквозь облака» (ср. Вульг. Сир. 35:21).

Сие и много подобного он говорил, но описывать всё было бы долго. И хотя все жившие при нём чувствовали, что делают успехи в благоволении и во всяком благом деле, но особым образом, по причине сближения и знакомства с ним, они чувствовали, как засыпают разжжения плоти и пламя похоти.

[33] Ибо от сего рыцари, и дворяне, и множество других лиц иного состояния и положения давали и соблюдали обещание хранить вечное целомудрие, а некоторые из них – девственную чистоту. Посему в его доме среди всех такая была милость, такая рассудительность, такое благочестие, такая нравов чинность, такой мир, такая доброта и такая чистота, что даже без ряс там, казалось, [царил дух], скорее, подлинного иночества и монашеской жизни, нежели графского дома или жизни светской.

По этой причине госпожа Аласия, инокиня, сестра девы Дальфины, постоянно проживавшая у этих святых супругов, часто утверждала, что жила при них гораздо более благочестно, пристойно и чинно, чем в своем собственном монастыре; более того, в присутствии этих людей она почувствовала большое улучшение в своей жизни.

Расскажу ещё кое-что, о чём нельзя промолчать. Ибо, когда в одну пору она несколько дней немного томилась искушением плоти, то проникла как-то раз тайком в их комнату и, затворившись там, обошла на коленях незапятнанное ложе, на котором они по обыкновению спали, и, молясь от всего сердца, молвила: «Господи Иисусе Христе, Царь дев и любитель целомудрия, молю Тебя, той святой чистотой и девством, что на сем ложе блюдятся, освободи меня от этого искушения!»

[34] Странно даже сказать! Она так внезапно и совершенно освободилась от одного искушения, что если бы впоследствии и попыталась подумать о чём-нибудь противном чистоте и усладиться, то едва ли смогла бы. Она также утверждала, что, пребывая с ними, она много приобрела духовно и освободилась от больших искушений.

И оттого же все, кто бы ни жил с ними, изменяли жизнь к лучшему, причём некоторые из них достигли великой святости жизни благодаря его заслугам. Ведь когда молва о славном домоправлении святого разошлась повсюду, некоторые стали по образу его жить и домами своими управлять. Ибо в то время достопочтенный владыка, епископ тогдашний Диньский, пожелал ввести вышеописанные правила этого святого и приказал соблюдать их свите в своём доме.

Ну а святой муж, зная, что указание пути истинного и шествие по нему расценивается как двойная добродетель, и соблюдал вышеупомянутые правила всё время жизни своей, и дому своему соблюдать заповедал. Сверх того он всякий день читал службу Часов по обряду Римской церкви, да так благоговейно и внимательно, что и в слушавших вызывал великое благоговение.

[35] Он постился в назначенные Церковью дни, а помимо того в субботу и в течение всего Адвента, и [накануне] многих других праздников. Он носил власяницу на голое тело под дорогими одеяниями и часто спал в ней. А после того, как Господь впервые посетил его в Со, он никогда, будучи здоров, не спал нагим.

Часто смирял он себя железными цепями, а когда пропел весь псалом: «Помилуй меня, Боже» (Пс. 50), то, вспоминая раны Христовы, трижды крепко ударял себя по спине при каждом стихе.

Во всякое воскресенье Четырдесятницы, Адвента, круглый год во все великие праздники и многие другие, особенно богородичные, он преблагоговейно принимал

Таинство Евхаристии. Притом он поведал однажды своей святой супруге, что, когда он принимает Тело Христово, сие ему кажется на вкус, будто он превосходного сахара отведал. А когда его спросили, к чему могло быть такое знамение, он ответил: «Мне кажется, что то воля Божия, чтобы я почаще приступал к Святому Причастию».

К тому же этот святой юноша удостоился от Бога такого дара молитвы, размышления и созерцания, что с поры Господня посещения его в Со (как было сказано) он во всякое время, и во всякий час, и в любом месте без усилия и труда был готов и расположен к любому из вышеназванных действ.

[36] Ибо пока он был за столом, благородный дух его, соединённый с Богом и постоянно связанный с ним особой близостью, питался богомыслием, и тогда ему часто приходили на ум необычайные и преблагоговейные помыслы из вдохновенного сердца, как он однажды поведал своей священной супруге и невесте в опочивальне. К тому же, когда он бывал на беседе с разными людьми и разговаривал с ними, дух его ничуть не удалялся от Бога; нет, более того: когда он бывал на танцах, слушая пение и музыкальные инструменты, ум его в чудесном и чрезвычайном восторжении так восхищался к Богу, что его благословенная невеста, когда она присутствовала при этом, весьма боялась, имея опыт (либо в подобных экстазах, либо будучи хорошо осведомлена о мужниных. – прим. согл. лат. изд.), как бы не споткнулся он и не упал.

А после таковых действ, возвратившись домой, он входил в комнату и, вмиг ощутив божественную сладость, погружался в молитву и созерцание и утешался его сполна. Бывало даже так, что проведя всю ночь в молитве, он почти непрестанно изливал преобильные слёзы.

[37] В этих проявлениях благочестия он был более свободен, когда был вместе со своей невестой-девой, которой, как было сказано выше, он не сторонился, как других [женщин]; более того, когда они находились вместе в своей тайной опочивальне, они вели беседы о божественных предметах и поощряли друг друга к благочестивым действиям.

Вместе они благоговейно читали Утренний час (с 2 до 3 ночи. – прим. пер.), по окончании чего оба по отдельности в той же комнате предавались молитве или святому размышлению, так что собственная комната была для них сущей часовней, и душа обоих – истинным храмом Божиим.

Наконец, усилия этого святого мужа, как в общественных делах, так и в частных, сосредотачивались на трёх [задачах].

Во-первых, избегать всякого греха и ничем не оскорблять Бога, дабы спастись от пламени адского.

Во-вторых, возносить свою душу Богу [, как жертву,] на огне любви и благоговения. И потому для него было великой мукой, когда таковые [действия] приходилось откладывать из-за мирских дел, но он не осмеливался уклоняться от последних, поскольку в первое Господне посещение получил от Него заповедь относительно сего.

В-третьих, скрывать, особенно от плотских и мирских особ, те добрые дела, что он совершал втайне (ср. Ин. 7:4), и божественные посещения и озарения, которые часто испытывал.

[38] Этот святой муж как по природе был щедр, так по дару небесной благодати проявлял жалость и милосердие к нищим Христовым и прокаженным. Ибо каждый день у него бывало двенадцать нищих и прокаженных, которым он сам омывал ноги и целовал их уста. Подкрепившись же, они возвращались по домам с обильной милостыней. В связи с чем поведаю я один удивительный случай, о котором не подобает умолчать.

Когда однажды он с приближёнными в окружении большой свиты отправился на охоту, то повелел всем идти вперёд, а сам, оставив при себе лишь одного рыцаря да своего братора, заехал в некое прибежище прокаженных, где нашёл шестерых, пораженных тяжкой проказой, некоторые из которых столь изуродованы, что и посмотреть на них было жутко. Ибо у них были источены и изъедены губы, так что зубы виднелись [во рту] и выпали оттуда. И как увидел их мягкосердечный и жалостливый святой, радушно поприветствовав их и благословив, и преподав спасительное наставление, одного за другим их с величайшим благоговением поцеловал. Странно даже сказать! Сразу же после его поцелуев все они вновь обрели совершенное здравие, и весь дом тот наполнился сладчайшим благоуханием. А он, раздав им милостыню, удалился оттуда.

[39] Когда же он вышел из названного приюта, на глазах у всех от его головы изошёл язык пламени или луч огненный и яркий, протянувшись аж до самого жилища прокажённых. И по мере того, как он двигался дальше, язык пламени или луч дальше растягивался в длину, неизменно выходя из его головы и простираясь к жилищам этих прокажённых, причём всё промежуточное пространство дивным образом освещалось им.

Сие, однако, продолжалось до тех пор, пока он не догнал свою свиту, которая была достаточно далекой. Когда ж он подъехал к ним, пламя тотчас исчезло. И святой, который при всех чудесах, которые Бог творил через него, избегал людской похвалы, строго наказал своим спутникам, чтобы они не открывали этого чуда никому из людей, пока он будет влачить брнную жизнь.

Ну а исцелившиеся прокажённые, выйдя из убогого приюта, с тех пор обитали среди здоровых, не вызывая отвращения.

Святой ещё часто тайно посещал другие обители прокажённых в сопровождении одного лишь спутника и там, преклонив колени, омывал им ноги и целовал, очищал и перевязывал язвы, так что спутник его, который был с ним, стоял в полном изумлении и, исполнившись великого восхищения, менялся в душе и становился всё более и более благочестивым.

[40] При этом он с такой искренней жалостью и благоговейным состраданием стремился облегчить несчастья ближних, что никогда ни от какого нищего не отвращал лица своего (ср. Тов. 4:7), но, наоборот, всегда щедро открывал свою руку и душу всем Христа ради просящим, ибо эта деятельная добродетель, казалось, была ему врожденной. Ведь он распорядился тайно разыскивать нищих и нуждающихся, коим, порой даже без просьбы от них, передавал большие милостыни.

Случилось в один год, когда он жил в замке Пюимишель, что из-за великого неурожая жителям той страны не хватало продовольствия, и они, обратившись к святому, просили вспоможения, чтобы пережить тот год. Он же, выделив особо на хозяйственные запасы, всё остальное одолжил вышеупомянутым жителям. А поскольку за некоторое время до жатвы нищие и нуждающиеся так и не перестали просить, он повелел, чтобы им было дано из тех хозяйственных запасов. Наконец, когда в житнице не осталось ни крошки, а один нищий пришёл просить хлеба, святой повелел некоей женщине по имени Стефана, державшей ключи от амбара, дать нищему хлеба.

[41] Она ж ответила, что в амбаре хлеба совсем не осталось, на что святой ей уверенно молвил: «Поди, поди, поищи усердно; вдруг найдёшь». Тогда она, зная, что хлеба там не осталось ни крошки, однако, повинаясь своему господину, пошла в амбар и нашла там хлеба столько, сколько было изначально сохранено на хозяйственные запасы. И увидев это, она, преисполнившись величайшего изумления, подала милостыню нищему и тотчас же рассказала своему господину о том, что нашла и что сделал. Святой же немедленно связал эту Стефану клятвой в том, что, пока он жив, сие она ни единому человеку не откроет. Но в конце концов скрыть этого ей не удалось, потому что многим в хозяйстве было известно об предшествовавшем опустении [амбара] и истощении [запасов] хлеба.

Ну а тот хлеб, что святой в том году одолжил вышеупомянутым жителям, он не потребовал назад, но целиком простил им долг ради любви Божией.

То же самое произошло и в другое время ради большой нужды и голода жителей Ансуи и всего баронства. Ибо он двести шестериков (в данном случае, вероятнее всего, каждый «шестерик» равнялся грузу, который способна везти одна лошадь. – прим. пер.) зерна частью раздал Христа ради, частью одолжил, а оставил только то, что было необходимо для свиты.

[42] Когда же за какой-то срок до сбора урожая приходили поодиночке нищие, он велел выдавать им [хлеба] из этих запасов. А когда ему доложили, что в амбаре больше хлеба нет, он всё же велел пойти и посмотреть и тщательно поискать и поделиться с неким нищим, который очень уж настойчиво просил. Воистину странно: пошли и нашли в амбаре столько пшеницы, что до урожая (*ad novum*) вдосталь хватило на всю свиту и на каждого нищего. Ну а то, что он ссудил жителям, целиком простил.

Он также иногда посещал больных и многим уделял исцеление. Посему случилось однажды, когда он был в городе Арле, что Констанция, девочка семи лет, дочь Жана Альба, непрерывно мучилась лихорадкой четырнадцать дней, а [затем], утратив в течение одного дня способности видеть и говорить, оказалась при смерти, о чём мать её безутешно печалилась.

[43] Ну а святой муж, сознавая материнскую скорбь и сострадая ей, пришёл к упомянутой девочке, когда [родные], зажегши свечи, уже ожидали кончины её. И, возложив руку свою на голову девочке, молвил: «Да совершится на тебе, дочка, Божия воля». И, выйдя оттуда, он утешил плачущую и скорбную мать, сказав, что дочь её жива. А вышеназванная девочка тотчас же попросила еды, заявив, что некий

человек исцелил её, прикоснувшись к её лицу и голове. И в тот же день она полностью поправилась, а на другой день ходила на своих ногах по дому и по улице.

ГЛАВА IV. КРОТОСТЬ СВЯТОГО ГРАФА С МЯТЕЖНИКАМИ И КЛЕВЕТНИКАМИ; ПОСВЯЩЕНИЕ В РЫЦАРИ; ОБЕТ ЦЕЛОМУДРИЯ; ЛУЧШИЕ КАЧЕСТВА, ПРОЯВЛЕННЫЕ ИМ НА ДОЛЖНОСТИ НАМЕСТНИКА ГЕРЦОГСТВА КАЛАБРИЙСКОГО; ЗАБОТА О НИЩИХ

[44] В двадцать три года, после кончины отца, он по родительскому распоряжению стал графом Арианским и государем баронства Ансуи. И тогда он впервые вошел в Италию, чтобы вступить во владение упомянутым графством, а город Ариано три года восставал против него, и он претерпел много обид, великие убытки и поношения. Они даже порой устраивали ему засады и приписывали ему вымышленные преступления, а он, будучи в течение всех тех трёх лет удручаем многими тягостями, никогда не просил отмщения им у Бога и сам не мстил. И хотя князь Тарентский (Филипп, четвёртый сын Карла II, короля Неаполя и Сицилии, носивший также титул императора Константинопольского. – прим. пер.), питавший к нему особую любовь, чрезвычайно сострадая ему, хотел было многих из вышеназванного города повесить и многих покалечить, чтобы другие, устранившись, повиновались ему, он отнюдь не позволил ему, но настоятельно запретил, заверив, что их склонит Господь и справедливость.

И было после сего, что по устроению божественной милости и в воздаяние за его терпение все стали чествовать его как истинного государя и полюбили, как отца.

[45] И нашёл он некое письмо, посланное некими вельможами его отцу ещё при жизни оного, в котором они тяжко и ложно обвиняли его и отца сего склоняли и настоятельно убеждали не оставлять Эльзеара своим наследником, лживо и подло приводя многочисленные доводы. Когда ж он прочитал вышеупомянутое письмо своей святой супруге в опочивальне, она спросила его, покажет ли он это письмо лжеобвинителям, чтобы несколько смирились и покаялись в столь великом преступлении. На что муж кротчайший ответил так: «Я, – молвил он, – целиком и от всего сердца прощаю им это преступление; у меня и мысли нет предъявлять им это письмо. Напротив, я хочу, чтобы они думали, будто я просто ничего не знаю об этих [затеях], ибо, если бы они поняли, что я знаю о них, это уже составило бы для них большую часть наказания, потому что они бы всё время боялись меня, и в их сердцах я был бы под постоянным подозрением». И, уничтожив письмо, он никогда не давал им знать о сем.

Мало того, немного позднее, когда один рыцарь, который был главным вдохновителем этого письма, присутствовал на некоем торжестве среди других дворян, святой граф, добрый и снисходительный, почтил вышеупомянутого рыцаря паче других и выказал ему большее дружелюбие. Притом он, пригласив его в свои покои, одарил дорогим одеянием со своего плеча и в течение жизни оказывал ему особенные знаки приязни.

[46] Ибо обладал святой человек таковым мужеством и благородством, таковой стойкостью и терпением в несчастьях, что за всю его жизнь никто из свиты или двора ни разу не видел, чтобы он из-за какой-нибудь неприятности словом или делом выразил нетерпение или гнев. Ведь и дева св. Дальфина, которая постоянно наблюдала его добродетели и поступки, видя, что он ничуть не обижается на

оскорбляющих его и противящихся ему, но невозмутимо всё сносит с весёлым и безмятежным ликом, дивясь столь великому и неодолимому терпению, которое воздвигло себе в нём столь славный престол, сама пожелала испытать его.

И когда они оказались вместе в комнате, она приступила к нему с такими речами: «О, Эльзеар, – молвила она, – что ты за человек: никогда не рассердишься и не обидишься на оскорбляющих тебя! Ты прямо-таки кажешься бесчувственным, а между тем ты человек подверженный страстям и мирской; а, может, ты не знаешь, как, или не умеешь гневаться? Разве повредило бы злым, которые иногда причиняют тебе несправедливость, коли бы ты иной раз явил им свой гнев?»

[47] На что муж кротчайший ответил так: «Дальфина, на что стоит гневаться? Ни к чему такой гнев. Тем не менее, открою-ка я тебе тайну сердца своего. Знай, что иногда на противников моих я начинаю в глубине сердца негодовать, но в тот же миг я немедленно обращаюсь к размышлению и взираю на оскорбления, Христу нанесённые. И говорю себе: если бы подначальные твои бороду тебе вырывали и давали оплеухи, то [даже в сравнении с этим] Христос претерпел больше. И уверяю тебя, Дальфина: я так и не перестаяю размышлять об перенесённых Христом оскорблениях, пока дух мой совершенно не успокаивается. Такова уж особая благодать, которую Бог даровал мне, что после причинённых оскорблений я люблю моих противников с равной или большей любовью, нежели прежде, и особо [ревностно] молю Бога за них. И я знаю и признаюсь, что заслуживаю больших и худших оскорблений».

От сих слов дева Дальфина обрела дивное назидание и укрепилась небесной уладою, уразумев, что его благородный дух, всецело охваченный пламенным стремлением к вечности, так крепко соединён был с Богом, что не позволял никакой страсти властвовать над собой.

[48] И когда вступил он в графство и баронство, связанные и обременённые большими обязательствами и долгами, он назначил определенных лиц, чтобы собирали определённые доходы и выплачивали подати, пока все не будут полностью удовлетворены. И когда он услышал о столь великих бременах и тяготах, он сказал в себе: «Благодарю Тебя, Господи Боже мой за то, что Ты, когда впервые посетил меня, отъял от души моей любовь к миру сему и ко всему земному, так что ныне по велению Твоему и устроению я владею землями и вотчинами, которые, как я вижу, настолько обременены долгами и обязательствами, что даже любитель сего мира едва ли смог бы получить от них какое-либо удовольствие».

Поскольку же милость без справедливости, особенно у государя, считается бесплодной, то и этот святой муж, что шествовал по всем путям Господним прямою стопою, насколько милосерд был, настолько же являлся ревнитель справедливости, которую умерял милосердием и служил своим подданным, предписав своим наместникам, чтобы они в своих судах и приговорах ничуть не отклонялись от правила справедливости.

[49] Но тех, что в сей добродетели были ленивы или по нерадению не блюли её, он сурово наказывал и порой смещал с должности, заменяя достойнейшими. Разбойников и иных лиходеев он преследовал настойчиво, а схватив и задержав, карал по злодейским заслугам. Осужденных же на смерть он наставлял спасительными увещеваниями и по-доброму побуждал их исповедоваться в своих

грехах и, особенно, прибегнуть к страстям Христовым. Посему, когда некий закоренелый разбойник был однажды приговорён его судом к повешению, святой пришёл в темницу и, проповедуя ему долгое время, и увещевая, и склоняя к истинному покаянию, так показал ему его преступления, что побудил его к истинному сокрушению, и тот, плача, и стеная, и искренне скорбя от глубины сердца, признался, что заслуживает сей позорной смерти, да ещё и худшей. И с благодарностью он терпеливо и радостно принял эту казнь смертную.

Осуждённым на пеню он обычно прощал третью часть, а некоторым – половину, а если они были бедны, возвращал им всё, хотя тайно и передавая через третьи руки, чтобы они не потеряли страха перед таким наказанием и воздерживались от повторения проступков. А имущество приговоренных к смерти, изъятое а казну, если у них были жёны и потомство, он тайно возвращал им через третьи руки.

[50] Когда король Роберт (Роберт, о котором идёт речь, был третьим сыном Карла II; после кончины коего в 1309 г. унаследовал Неаполитанское королевство и графство Прованс, поскольку Карл, первенец, ещё при жизни своего отца получил Венгерское королевство, а второй сын, св. Людовик (пам. 19 авг.), распрощался с миром, вступил в Орден св. Франциска и стал епископом Тулузы и Памье, а в 1297 г. уже почил. – прим. лат. изд.), коему он был весьма любезен, уделил святому в Неаполе торжественное посвящение в рыцари, он бодрствовал в ту ночь, по обычаю, в церкви, где свершилось это действие. И хотя великое множество рыцарей и прочих дворян входили в церковь со светильниками своими и проходили пред его лицом с трубами и иными музыкальными инструментами разного рода, радуясь и ликуя, он обменял мирские радости на небесные. Ибо, отнюдь не сознавая того, что происходило вокруг него, он был весь вознесён к небесам и, духовно обретшись среди ангельских воинств и блаженных духов, созерцая вместе с ними божественное, всю ту ночь, превосходя земное, вкушал с великим сердечным умилением и услаждением духовное и вечное, о чём впоследствии тайно поведал своей святой супруге. При этом сердце его паче обычного побуждало принести вместе со своей блаженной невестой священный обет девства, как часто внушал им Святой Дух.

[51] Поскольку она тогда пребывала в краю Провансальском, он отправил ей с особым гонцом письмо, прося немедля приехать и госпожу Гарсенду Д'Альфанта взять с собою. Она же, будучи поистине смиренна и послушна мужу своему, оставив хворавшую госпожу Гарсенду, пустилась в путь и предстала пред очами своего святого мужа.

Увидев же её и приняв с радостью, Эльзеар сказал ей втайне следующее: «Я, – молвил он, – послал за тобой, дабы мы исполнили обет девства, который многократно обсуждали. Однако же, поскольку есть воля Божия на то, чтобы при сем обете присутствовала госпожа Гарсенда – ведь она часто нас к нему призывала и с великим прилежанием и усердием с детства воспитывала [в нас сие намерение] своими спасительными наставлениями и весьма чаяла сие увидеть и услышать, – поедем-ка поэтому к ней».

И, получив с немалым трудом разрешение от короля Роберта, обязавшего их вернуться к нему в течение двух лет, покинули они пределы Италии, где Эльзеар провёл пять лет, и возвратились в Прованс.

[52] А навстречу им выезжали многие вельможи и соседи, встречая их с радостью. Среди них был и рыцарь Ростан де Сабран, его родич, и когда он обнял его, его дух внезапно весьма изменился к лучшему. Ибо, хотя он был ветх днями и два года не исповедовался, но так почувствовал бремя грехов своих, что не мог ни спать, ни пищи вкусить, ни иного действия совершить, пока с великим сокрушением и пролитием слёз не открыл всех грехов своих в таинстве исповеди, а с тех пор изменил жизнь к лучшему.

Блаженные же супруги, прибыв в замок Ансуи, обнаружили, что госпожа Гарсенда всё ещё прикована к постели. А когда они навестили её и сообщили ей о причине своего приезда, благочестивая госпожа, возликовав в духе, исполненная чрезвычайной радости, молвила: «Благодарю Тебя, Господи Иисусе Христе, за то, что изволил утешить меня двойной радостью, ибо как я желала услышать и увидеть сии великие обеты, так и всем сердцем хотела разрешиться и быть с тобою».

«Ибо, – добавила она, – когда я горячо молилась о сего рода (милости), я получила ответ от Господа, что должно мне задержаться в сем смертном теле, доколе не увижу, как сии святые супруги приносят обет девства.

[53] И в том же замке они вместе справили Пасху, и отпраздновали там оный праздник духовно вместе с Марией, славной Матерью Иисуса, и Марией Магдалиной, и святой Марией Иаковлевой, и Саломией, и святыми апостолами, созерцая радость Воскресения. И от праздника Пасхи до праздника Марии Магдалины они пребыли в упомянутом замке Ансуи, предаваясь восславлению Бога и размышлениям, а в сам праздник Марии Магдалины в капелле бл. Екатерины с великим благоговением послушали мессу и приняли Таинство Евхаристии.

А поскольку госпожа Гарсенда, будучи прикована болезнью к постели, не могла быть на мессе, то [супруги] по окончании мессы тотчас же пришли к ней гости, и перед ней в присутствии госпожи Аласии, сестры девы Дальфины, и господина рыцаря Инарда, сына упомянутой госпожи Гарсенды, не допустив никого более, они дали обеты свои таким образом.

Первым же дал обет святой граф, преклонив колени, сложив ладони над миссалом и сказав:

[54] «Господи Иисусе Христе, от Кого всякое благо и всякий дар исходит, я, грешник убогий и немощный, без Твоего особого дара ни воздержанным не могу быть, ни целомудренным, но, единственно на твою помощь уповаю, обет даю и обещаю Тебе и Преславной Деве и всем святым жить во всё время жизни моей целомудренно и блюсти девство, каковое доньше сохранила мне Твоя милость, и ради того, чтобы сдержать сие обещание, я готов претерпеть какие угодно страдания и муки, а сверх того и смерть телесную».

И тут же святая дева Дальфина подобно [мужу] прилюдно повторила обет девства, который ранее дала тайно. В конце же концов и вышеупомянутый рыцарь, господин Инард, принёс такой же обет целомудрия.

Когда всё сие было закончено, госпожа Гарсенда, преисполнившись радости духовной, молвила: «Хвала, честь и слава Всемогущему Богу, давшему мне узреть то, чего я так желала! Теперь я в радости умираю и нечего больше мне в сем мире

желать, но прими ныне, Господи, рабу Твою, и да исполнится до конца святая воля Твоя обо мне и во мне. Господи Иисусе Христе, сеятель целомудренного разума, прими плоды от семени, кое Ты в деже Дальфине посеял».

[55] Ну а святой граф строго наказал всем, чтобы никому не сообщали об их со святою супругой обете.

И через короткое время госпожа святая Гарсенда, полная дел благих, преставилась ко Господу, как и желала, а при её кончине и погребении присутствовал святой граф со своей святой супругой. После же кончины своей она, целиком осиянная славой, в облачении сверкающем и великолепном, явилась им обоим, сиречь графу и святой графине: одному – во сне, а другому – наяву; заверила их в своём прославлении и, утешив духовно, ушла (подробнее об этом говорится в «Житии и Легенде» святой графини). Тело же её в облачении блаженного Франциска покоится в церкви Меньших братьев [города] Апта рядом с гробницей святого графа и святой графини.

По прошествии же двух лет, в течение которых Эльзеар пребывал в пределах Прованса, он, следуя наказу короля Роберта, вернулся в Неаполь, где был назначен наставником господина Карла, королевского первенца и герцога Калабрии.

[56] Увидев же, что нравом он ветрен и распутен поведением, а также привычен и склонен к слушанью легкомысленных и непристойных речей, святой граф отозвал его в сторону и сказал: «Не пристало знатной особе и королю слушать иль изрекать легкомысленные и непристойные речи, ибо «дурные собеседования развращают добрые нравы» (1 Кор. 15:33. – пер. Д.Э. Пучкина), но кровь чистую, скорее, подобает благородно украшать речами пристойными и нравами добродетельными». И говорил он ему эти и подобные слова с такой силой, и настолько впечатлил своей внутренней силой (animo), что тотчас же на него сошел дух кротости (ср. 1 Кор. 4:21) и умиления, так что он в краткое время к великому изумлению графов и прочих вельмож, постоянно находившихся при нём, стал совершенно другим по нраву и изменился к лучшему, отчего некоторые говорили: «Государь герцог превратился в другого человека», а иные утверждали: «Граф Арианский переговорил с герцогом, и с тех пор он не только сам воздерживался от непристойных речей и порочных нравов, но и никто при нём вслух не смел молвить такого».

[57] Ну а знать и вельможи королевства, и иные, званием пониже, видя, что святой этот стал задушевым другом государю герцогу (а у него о ту пору в руках было всё руководство, потому как отец его, король Роберт, пребывал в пределах Прованса), начали более почитать святого графа, и многие из тех, кто хотел чего-нибудь добиться от герцога или при дворе его, подходили к святому и сначала говорили с ним.

Одни предлагали ему червленицы, другие – золота многие унции, иные же – прочие ценные безделки и дорогие дары, но муж святой, просвещённый свыше, зная, что дары ослепляют глаза приемлющих (ср. Втор. 16:19), от всякого подарка отрясал руку и душу.

А когда некоторые из его свиты порой говаривали, что после того, как без какого-либо предварительного уговора он помогает снискать [просителям] милость [у государя], то в воздаяние за труды мог бы по справедливости и без греха принять какие-нибудь подарки и подношения, на что муж чистый и незапятнанный

ответствовал так: «Приятие таковых может послужить предметом соблазна, а сверх того – причиной и поводом [для других] к неоправданным поборам, поэтому я хочу воздержаться от них всех вообще».

[58] Когда однажды, вернувшись от герцога и от двора его, он вошел в собственную комнату, чтобы по обыкновению уединиться с Богом в деятельном размышлении, то произнёс такого рода слова, обращаясь к Богу: «О Господи Боже, ты должен мне в раю сто унций золота и две штуки червленицы».

Когда же госпожа Аласия, монахиня, случайно вошла в комнату и услышала такие слова, то с изумлением молвила: «Сударь мой, что значат эти слова?» На что святой ответил: «Я мог бы получить эти подарки сегодня, но из любви к Богу не захотел».

А ещё он сказал втайне своей святой супруге, что многие часто пытались его развратить (соггипреге) подарками и подношениями.

Когда же дошли до слуха его жалобы многих бедняков и он заметил, что при дворе их дела и иски откладывают в долгий ящик, то, будучи ранен в сердце стрелой сострадания, пошёл к герцогу и отважно попросил позволить ему взять на себя дела бедных и быть их защитником в суде. А когда государь дал ему доброе согласие, милостивый и милосердный святой распорядился создать особую сумку, в которую помещал только прошения и жалобы бедняков, и когда ходил он по городским улицам, бедняки стекались к нему толпами, а вокруг дверей дома его [выстраивались] в таком множестве, что он сам и его свита с трудом входили [туда].

[59] Он выслушивал их слова и доводы с большим вниманием и молча, а поскольку многие по бестолковости мешали в одну кучу много лишнего, он, будучи сметлив и благоразумен, изложив предметную суть их речей в чётких выражениях, говорил от их имени с герцогом и наместниками, разрешал их дела.

В то время с острова и [одноименного] королевства Сицилия приехали в Неаполь несколько знатных и родовитых дам с детьми и свитой, гонимые невзгодами войны (которую вёл сицилийский король Федерико II Арагонский с Робертом Неапольским. – прим. согл. лат. изд.). Святой, проникнувшись удивительным состраданием, принял на себя заботу о них и выхлопотал у герцога, чтобы они на всякий день получали подобающее пропитание из его дворца. Он также снабдил их одеждой и многими другими необходимыми вещами, потому что не мог без великого сострадания смотреть на их нужду, [как и на] и нужду других бедняков.

Как-то однажды, когда он сел с вымытыми руками за стол обедать, некий бедняк, несвоевременно войдя в дом его, бросился к нему со словами: «Сударь, чего вы добились по моему прошению?» На это святой ответил ему благодушно: «Подожди меня немного, ибо, прежде чем есть, я хочу решить твоё дело». И, встав из-за стола, ушёл ко двору, а решив [дело] бедняка, вернулся и сел за стол.

[60] Поскольку некоторым из-за долгого промедления [в рассмотрении их дел] не было, на что прокормиться, святой сам обеспечивал их из своих средств. Таким образом, предоставляя им [в услужение свой] ум, речь и силы, он в единой [своей] личности приносил тройную жертву, угодную Богу, памятуя нашего Икупителя, изволившего родиться, жить и умереть таким же нищим, Который сказал: «Сколько

раз вы сделали это одному из... Моих меньших, [столько вы это] сделали Мне» (ср. Мф. 25:40).

Когда же по всему государству пронеслась молва о том, что граф Арианский сделался бедняцким адвокатом, он от сего не отступился, потому что собирал сокровище на небесах (ср. Мф. 19:21), куда целиком перенеслось его сердце (ср. Мф. 6:21).

ГЛАВА V. ИНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ СВЯТОГО ГРАФА; ВОЕННАЯ СЛУЖБА; БОЛЕЗНЬ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ; ПОСОЛЬСТВО ВО ФРАНЦИЮ; СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНИЕ, ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ И ЧУДЕСА

[61] Святой граф Эльзеар, будучи верен, правдив и католичен, весь пылал рвением по вере. Ибо он не только был готов претерпеть любые невзгоды за сию веру, но даже умереть за неё жаждал. Ибо он был так просвещен от Бога лучами веры – особенно в первое и четвертое Его посещение, – что, как увидел он тогда в духе Творца, и тварей, и тайну искупления, так с тех пор непрестанно и сознавал сие в душе.

Ибо же как-то однажды беседовал он в опочивальне со своей святой супругой, и сказала дева св. Дальфина в той беседе святой о последних временах и злобе антихристовой: «То будет жуткое гонение на верующих, ибо, если силы небесные поколеблются (Лк. 21:26), как устоят смертные люди?» На что святой ей молвил: «Смотри, Дальфина, если магистр Франсуа де Марон, один из величайших учёных мира, сведущий и крепкий в вере, и брат Жан де Жюльен, духовник наш, просвещённый в вере и прославленный святой жизнью, и госпожа Гарсенда, святость чьей жизни ведома многим по добродетелям и чудесам, ведь она, как ты знаешь, с детства нас всегда воспитывала в святых делах и добродетельных поступках, – так вот, если сии трое, кого я ценю [паче всех], пришли бы ко мне и единодушно сказали мне, что вера наша ложна и доныне мы жили в заблуждении и обманывались, и что Папа и кардиналы хотят изменить веру, и что весь мир возгласил сие – говорю же тебе, что ради всего этого я ни на йоту (puncto) не отклонился бы от истинной веры Католической, которую Бог явил мне, пускай бы мне за это пришлось умереть тысячу раз».

[62] «И ни антихрист, ни приверженцы его не смогли бы меня отвратить от сего, и ни от какого положения веры, которой ныне придерживается Святая Мать-Церковь». От сих слов дева Дальфина духовно утешилась, а паче того утвердилась в вере.

Святой великое почтение питал к архиереям и всем пресвитерам Святой Церкви, потому что через них пролегает путь спасения для других. Он охоче навещал духовных и набожных людей и с ними разделял чашу любви.

Как-то однажды, когда святой муж был в Монпелье и задержался там на некоторое время, дева Дальфина, находившаяся тогда в замке Пюимишель, послала к нему слугу с письмом, чтобы осведомиться о его состоянии и [причине] задержки. Он в ответ написал так: «Телом я здоров и невредим, а коли желаешь видеть меня, ищи меня в ране на правом боку Иисуса Христа, ибо я там обитаю, там ты сможешь найти меня, а в другом месте меня не стоит искать».

Когда однажды в другой раз он был с королем Робертом в городе Авиньоне, то в некий праздник после таинства исповеди с утра сказал некоему священнику, собиравшемуся священнодействовать, чтобы уделил ему гостию, ибо хотел причаститься. И случилось так, что, когда священник хотел было начать мессу, король позвал святого, и тогда он сказал священнику, чтобы не продолжал, но дождался его возвращения.

[63] Затем, выйдя из капеллы, он поехал с королем в папский дворец, который располагался достаточно далеко. Ну а после возвращения, спустившись с лошади, он вошёл в капеллу и велел священнику начать и свершить мессу, после чего благочестиво причастился.

По сему поступку мы можем заметить, насколько очистила ему душу вера его и божественное единение, коль он ни от чего увиденного или услышанного в пути или на месте прибытия не рассеялся внутренне и не отвлёкся, ибо оный благий Дух (ср. Пс. 142:10), который вёл его к Богу, в такой осаде держал входы и пути вокруг него, что не позволял ничему грязному, или нечистому, или неподобающему, вредному или неприятному войти в его сердце.

В другой раз, когда он однажды пустился в водный путь вместе со своей невестой и всей свитой из Неаполя в пределы Прованса, на море поднялась такая сильная буря, что сломался парус вместе с мачтой, а корабль стал тонуть. Великий плач поднялся и объяла всех скорбь, ибо никто не надеялся выжить. Святой же, имея веру в Господа, горячо молился Ему в сердце, и, когда другие лили слёзы, он один не изменился в лице.

[64] Когда же корабль, не без великого чуда, достиг суши, и [путешественники], воздав благодарение Богу, прибыли в гавань, святой попрекнул некоторых из своей свиты за то, что они чересчур страшились смерти, проливая слезы и плача, а на божественное покровительство уповали мало. Потом святая дева Дальфина спросила его наедине, сказав: «Сударь, вот ты так обвинял других, а неужто сам не боялся умереть в толикой опасности?» На это святой ей молвил: «Знай, Дальфина, что после того, как Бог впервые посетил меня в Со, так я в любом месте, будь то на море или на земле, готов принять любого рода смерть, каковою Бог пожелает призвать меня. И ни сейчас, ни когда бы то ни было, сколь бы ни были велики опасности, в коих я оказывался, мне с того времени никогда не бывало страшно умереть. И едва я вижу приближение опасности, я возношу своё сердце Богу таким образом: «Господи, Боже мой, Коему тайны сердец наших ясны и открыты, знающий всё прежде бытия его (ср. Дан. 13:42), если Ты решил наказать нас или кого-нибудь из нас, да обратится, молю, гнев Твой против меня, неблагодарного грешника, а прочим окажи снисхождение, ибо в любом из сей свиты к Тебе больше почтения, нежели во мне». И говорю тебе, Дальфина, – молвил он, – что после сей молитвы мне всегда становится куда спокойнее на душе».

[65] Ибо его смирение было так глубоко, что, ни во что вменяя себя пред Богом, он считал себя великим грешником, весьма неблагодарным Ему за благодеяния, хотя в действительности то был сосуд чистейший, и сосуд, заполненный благоуханиями всяческих добродетелей, о коих свидетельствовала как его невеста св. Дальфина, внимательно изучавшая его поступки и нрав, так и другие, кто с ранних лет и до смерти были знакомы и близки с ним паче прочих. А некоторые из них, возложив руку на Священное [Писание], утверждали, что им неведомо, чтобы за всю свою

жизнь он хоть когда-нибудь совершил смертный грех. Также и духовники его – и те, коим он чаще исповедался, и те, пред кем совершил генеральную исповедь за всю жизнь, – люди великой святости и совершенного жития, утверждали то же самое, прибавляя ещё, что с великой болью и слезами он раскаивался и исповедовался [даже] в мелочах.

[66] Ибо столь [безупречна] была чистота его совести и так велик свет благодати, что он не мог стерпеть осквернения её даже лёгкими [грехами], и всё же, как было сказано, по чрезвычайной глубине смирения он считал себя величайшим грешником. А уж на основе столь великого и такого глубокого смирения ему спокойнее было возводить [здание] прочих добродетелей.

Мирские почести, хотя он и для виду принимал их внешне, были ему неприятны и тягостны, и внутренне он переносил их с досадою. А когда ему не воздавали почестей, подобающих его положению, он радовался паче обычного. Ну а эта добродетель смирения придавала ему великое спокойствие во всех его поступках, так что, куда бы он ни отправился, будь то после смерти или при жизни, он спокойно и надёжно пребывал под божественной защитой и в доверии [к Нему].

Ибо же довелось святому мужу однажды по приказу короля Роберта, которому он был подданным и вассалом, отправиться в Рим вместе с государем Иоанном, братом короля, на брань против императора-еретика (Генриха VII), который много [притеснений] совершил против вольностей Церкви. А когда он был на войне в Риме, то спас некоего доблестного немца с вражеской стороны из рук хотевших убить его.

[67] Когда же закончилась война, в которой императорская сторона проиграла, святой тотчас же в том самом городе Риме слёг и захворал горячкой, такой тяжелой и огненной, что ему тогда казалось, будто он горит между двумя пылающими ложами. И помыслив о миновавшей войне, стал он крепко раскаиваться в том, что участвовал в ней. И пребывая в этих помыслах, услышал он голос Христов, сказавший ему в телесные уши так: «Эльзеар, знай, что на войне, в которой ты ратоборствовал, ты подверг себя опасности потерять Мою благодать, но после того, как ты покаешься, Я, пожалуй, задам тебе плетей за прегрешения». Тогда он преклонился и стал читать «Помилуй меня, Боже» и произнёс весь псалом до конца, а на каждом стихе Христос раз за разом трижды крепко ударял его по спине плетью. После сего, выспавшись, он совершенно от горячки выздоровел, и телом исцелился, и в душе невыразимым утешением укрепился.

[68] И вот, за два года до того, как святой этот дух свой предал небесам, почти все долги и обязательства, лежавшие на его земле, были уплачены. И сказал он в опочивальне своей святой супруге: «После того, как графство и баронство будут освобождены от всякого бремени долга и ничего не останется не оплаченным, я не задержусь на земле надолго» (что и исполнилось в действительности, ибо после того, как всё было целиком оплачено, он прожил только лишь один год). Дева ж Дальфина немало огорчилась от таких слов.

После сего же случилось так, что король Роберт и его высший совет отправили святого графа послом во Францию к королю Французскому с почётным сопровождением, дабы сыну его единственному, государю Карлу, герцогу Калабрийскому подыскать жену королевской крови, не обделённой ни обликом, ни нравом. А перед отъездом, чтобы девственная супруга его оставалась спокойна, он

сказал ей: «Если с позволения Господа я вернусь из Франции, то попытаюсь оставить, насколько будет возможно, все эти душевредные дела, и обоснуемся мы в Ансуи, чтобы в удалении от земного и от мирского смятения полнее отвеждать усад духовных».

Ведь святой этот был «мужем желаний» (ср. Дан. 9:23, 10:11, 10:19) и считал, что почти ничего не сделал для Бога, пока жил в этом мире, а потому дух его пылал рвением и стремился совершить для Христа дела огромные.

[69] Когда же он во Франции успешно и благополучно завершил вверенное ему дело, то слёг в городе Париже, охваченный тяжёлой болезнью. И понимая, что смерть близка, он благоговейно, проливая слёзы, совершил генеральную исповедь перед магистром Ордена братьев меньших Франсуа де Мароном – соотечественником его, проживавшим там.

Также каждое утро он благоговейно слушал мессу, [каковую служили] перед его кроватью, и часто во время этой болезни прибегал к таинству исповеди. И хотя он всю жизнь свою усердно скрывал своё и своей святой супруги девство, тем не менее в конце своих дней, говоря под принуждением Святого Духа, он обмолвился об оном в присутствии стоявших рядом с ним, сказав сии слова: «Дурного человека спасла добрая женщина, которую я как девицею принял, так в сей брэнной жизни девицей и оставляю».

Ну а во время оной болезни, каковая постоянно угнетала его тягчайшими муками, он с великим терпением держался упованием на обещанную ему радость. Дух его пребывал в непрерывном единении с Богом, и при сем он желал слышать благие слова и Страсти Христовы, каковые и попросил почитать себе.

[70] И язык его отнюдь не престаивал восхвалять Бога, и, произнося оный стих: «Господь укрепит его на одре болезни его. Ты изменишь все ложе его в болезни его» (Пс. 40:4), он словно бы постоянно держал его в устах.

Когда же после принятия Таинства Господня, помазывали его святым елеем, читая оный стих: «Чрез Крест Святой и Страсти Твои избавь его, Господи!», он сам повторил эту строчку трижды, а в конце сказал: «В нём надежда моя, в них я хочу умереть!» (т.е. в Кресте и в Страстях. – прим. пер.).

Наконец, когда он претерпевал предсмертные муки, весьма страшно исказилось лицо его, и в чертах его отразилось страдание, которое он терпел от нападавших на него, и в таковом борении, страдая и восклицая, молвил он: «Велика мощь бесов, но утратили они свою в добродетели и заслугах благословенного Воплощения и Страстей Иисуса Христа!» А погодя немного, снова воскликнув, изрёк: «Наконец-то я одолел всё». По прошествии же какого-то времени он, громко воскликнув, молвил: «Вверяю себя целиком суду Божию!»

[71] А после слов сих разгладилось лицо его, зарумянилось, просветлело и похорошело весьма. И испустил он дух. Черты его от того ничуть не изменились, более того, они остались спокойны и прекрасны, как прежде.

Наряду с прочими видел всё это некий барчук, отличавшийся крайним распутством и суетной жизнью. От сего [зрелища] он столь искренне проникся осознанием грехов

своих и скорбью, что, не имея мочи более терпеть, тотчас же позвал одного брата-минорита, находившегося там же, и исповедовался ему наедине в некоей комнате с великой скорбью, благоговением и слезами обильными.

Скончался же святой муж, полный добродетелей и добрых дел, в год от Рождества Господня тысяча триста двадцать третий в пятый день до октябрьских календ (27 сентября. – прим. пер.) на двадцать восьмом году своей жизни и был погребен в облачении и препоясании братьев Младших в их церкви в Париже.

[72] В том же году его священные мощи были перенесены и в город Апт доставлены, а там в церкви Братьев меньших, каковую он загодя для того выбрал, были торжественно преданы погребению.

Там он постоянно сияет великими и частыми чудесами, так что высота святости Его, которая, пока Он жил в смертной плоти, хранилась в тайне и не вполне была ведома миру, после [кончины его] подтверждена была небесами благодаря чудесам, [свершающимся] силою Божией. Посему при призывании его и по его заступничеству мёртвые силою Божией воскресали, слепые прозревали, расслабленные исцелялись, и очень многие из больных вопреки законам природы чудесно выздоравливали. И, наконец, благодаря его зримому и чудесному явлению и откровению королевство Майоркское, коему грозила затяжная война, дивным образом без пролития крови обрело согласно обещанию его покой.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ